

ВОСТОЧНОЕ ЗАКАВКАЗЬЕ времен халдских завоеваний

Акад. И. И. Мещанинов

При колоссальном подъеме работ на историческом участке обществоведческих дисциплин становится во весь рост проблема генезиса исторически прослеживаемых племенных и государственных образований.

Исследователю, приближающемуся к разрешению подобного рода проблематики, нередко приходится спускаться вглубь истории, не достигаемой письменными свидетельствами. Здесь внимание его обращается преимущественно к археологическому материалу, как к историческому источнику, подлинному свидетелю жизни и деятельности современного ему человеческого общества. Но археологический материал в своих отдельных представителях слабо поддается абсолютной датировке календарными годами минувших веков. Именно в таком состоянии и находятся археологические памятники дописменной истории Закавказья.

Многообразный в своем племенном составе далекого прошлого, Кавказ представлял смешанную картину хронологически сосуществующих, но культурно совершенно различных общественных единиц, продвинувшихся вперед и отсталых при различии социального строя их же носителей. Образовавшиеся в Закавказье феодальные государства в былые эпохи даже средневековья сталкивались с племенами Северного Кавказа примерно так же, как и само Закавказье предшествующих периодов еще последних этапов родового строя соприкасалось в своих границах и в политико-экономических взаимоотношениях с уже сложившимися государствами феодального строя древнего Вавилонии и Ассирии.

При таких условиях естественно, что отдельно взятые археологические памятники в значительной степени остаются еще сырым материалом, требующим более углубленного исследовательского подхода с учетом всей сложности исторического прошлого. Есте-

важным оказывается также стремление самих археологов точнее фиксировать хотя бы один определенный исторический участок. Обняемый данными, более ясными в своем социальном определении, хотя бы и извлекаемыми от соседа, легче поддающегося изучению благодаря наличию письменности. Таковым для известного периода истории Закавказья оказывается связанный с ним древний Вэн (халды, урарты), оставивший письменные свидетельства также и на территории междуречья Аракса и Куры.

Кадры азербайджанских археологов в течение ряда последних лет собрали богатый материал для освещения темных еще сторон древнейшей истории изучаемого ими края. Материал уходит, по всем данным, в доклассовое общество, в последние периоды родового строя, и тем самым мы постепенно приближаемся к разрешению сложнейших вопросов об образовании племен, племенных союзов и о последовавшем за ними образовании народностей Восточного Закавказья, переходившего на государственный строй.

Из числа интересующих нас памятников сюда относятся погребения в курганах и каменных ящиках с их инвентарем, городища и так называемые «циклопические крепости» (калача). Из них пока лучше обследованы погребения, хотя все же значительное количество могил, раскопанных еще археологами дооктябрьского периода, недостаточно систематизировано и далеко не поддается в точности даже относительной хронологии. Датировка их остается до сих пор условною. Приурочение же их определенному социальному посетелю оказывается еще более гадательным. При таких условиях, естественно, что молодые силы местных работников, выросших за последние 10—15 лет, обратили свое внимание на более достоверный и показательный источник, на городища и крепости, учитывая погребальный инвентарь в общем с ними комплекс.

Работа в этом направлении начата, но, конечно, далеко еще не доведена до степени обогащения данными, достаточными для более конкретных выводов. Для них требуется детальное обследование еще не затронутых раскопками старых сооружений городищ и «циклопических крепостей». Требуется, кроме того, установление хронологической связи с ними прилегающих могильников, одновременность которых вовсе не обуславливается одною только географическою близостью. Могильники могли существовать и до построения жилищ мест уже осевшего населения, присоединившего в свою очередь свои погребения. Могли они и продолжаться на местах уже исторически мертвых памятников, обслуживая последующие смены населения. Таких примеров много. Достаточно сослаться хотя бы на развалины крепости Нор-Баязет халдского времени, в границах которой расположено ныне действующее армянское кладбище, немилосердно использующее для своих могильных плит все уменьшающиеся остатки старого строительства.

Опыт археолога-раскопщика и знание им материала служат известною гарантией от поспешных и неправильных научных выводов, ясно указывая путь в сторону комплексного изучения минувших судеб края с исходным пунктом от круга исторически известных памятников.

Взятый Азербайджанским филиалом Академии наук, в частности— азербайджанскими археологами А. Алекперовым и И. Джафар-заде, упор на изучение «циклопических крепостей» имеет в этом отношении свое безусловное оправдание¹. Эти памятники, в известной своей части, легче поддаются хронологическому определению, так как некоторые из них, несомненно, датируются в своем существовании древнейшими в Закавказье письменными свидетельствами халдского (урартского) периода. «Циклопические крепости» с халдскими надписями найдены в ССР Армении. Тексты халдских завоевателей, подучившие в последнее время значительные уточнения в своем чтении, дают полное основание видеть в фиксируемых ими каменных крепостях сооружения местного населения, составившие в свое время некоторую препопу к более быстрому движению халдов на север. В этих надписях, обычно, повествуется о покорении «городов» и «цитаделей-крепостей», то-есть о военном захвате именно тех защищенных мест, от которых по настоящее время уцелели «циклопические» остатки². Подобного же рода сооружения (но без халдских в них надписей) в значительном количестве прослежены и на территории Азербайджана.

Сложенные из громадных каменных глыб, размером иногда до 2 м, массивные стены далеко не всегда окружали крепости в буквальном смысле этого слова. Скорее всего можно предполагать, что за ними оборонялся не военный гарнизон, а сами жители, спасавшиеся от вражеских набегов. По всем данным, они строились не в расчете на защиту от действий более регулярного войска ванского правителя. Они, судя по только что упомянутым текстам, застигнуты халдскими завоевателями здесь на месте и, конечно, не могли быть воздвигнуты в поспешных заданиях обороны от уже наступавшего грозного врага. Сама техника сложного массивного сооружения говорит за неизбежную длительность постройки, что не согласуется с условиями защиты от неприятеля, приход которого ожидался со дня на день. Все это указывает на то, что циклопические стены служили убежищем от нападения других, таких же численно небольших племен, имевших в тех же целях свои «циклопические сооружения».

Халдские тексты ясно говорят о том, что население современного им Закавказья, и во всяком случае горного района Севанского озера, разбивалось на отдельные самостоятельные племена (по халдской передаче—«страны») со своими вождями (по-халдски—«царями») и со своими «городами» и «цитаделями». Многочисленность их на небольшой сравнительно территории устанавливается рядом надписей. Достаточно сослаться на Козагранскую, разбор текста которой

¹ Краткая сводная по этому вопросу работа И. Джафар-заде—Циклопические сооружения Азербайджана—подготовлена к печати.

² См. М. В. Никольский—Материалы по археологии Кавказа (V), надписи: Гулиджанская (VII), Ганлиджинская (V), Эблярская (VI), Ордаклинская (VIII), Атамханская (XVI); ср. также Нор-Баизетскую в «Изв. Акад. наук» за 1932 г.

лит основной темой настоящей моей статьи. Разбитое на отдельные племена, население Закавказья защищалось «крепостями» друг от друга или, как предполагает И. Джафар-заде¹, от полукочевников с юга, подымавшихся в горы Малого Кавказа на летние месяцы и в выработанной ими системе эйлажного скотоводства.

Такие «крепости», несмотря на мощность циклопической кладки, не выдерживали длительной осады и, отрезанные от воды, должны были быстро сдаваться на жестокую милость халдского царя. Мне кажется, что для взятия такой «крепости» не требовалось даже прихода. Население их само шло на покорность, лишённое питьевого источника, лежащего вне огражденного пространства и могущего удовлетворить потребности скученного населения. При регулярной осаде его не спасали и спускающиеся вниз к реке подземные ходы (Хаджи-Баиязет), узкие и ограниченные в числе².

Успех халдского продвижения в значительной степени может объясняться именно тем, что, при существовавшей племенной раздробленности, завоеватель легко покорял одну «страну» за другою — в результате одного похода разрушал «циклопические крепости» десятками. Такие утверждения как: «20 цитаделей... в добычу я завёл. 120 городов сразу (в один день) я взял» (Сард. летописец, стр. 24—25) являются, если и несколько преувеличенною, все же прекрасною иллюстрацией ко всему сказанному. Успешные действия завоевателя несомненны, но, с другой стороны, систематическое продвижение халдов на север,³ в Закавказье, должно было вести к успешному процессу укрупнения племенных союзов, сопротивлявшихся воздействию, и к ускорению разложения их родовых устоев.

Наброшенная мною историческая перспектива требует подтверждения проверенными фактами. Собираанием их, в части Восточного Закавказья, и заняты в настоящее время археологические силы азербайджанского научного центра.

Циклопические сооружения Азербайджана, так же как и других мест Закавказья, далеко не одновременны. Застигнутые на месте халдскими завоевателями, они, как возникшие не в связи с войною с главным соседом, могли иметь датировку, значительно предшествующую концу IX и началу VIII в. до н. э., когда войска древнего Вана, судя по письменным источникам, впервые перешли воды Аракса. С другой стороны, техника построек, вовсе не связанная с халдскою культурою, сохранилась и после падения самого халдского государства (ср., например, развалины у Хаджи-Баibraма в Армении)⁴. Это же время не приходится отрицать возможности видеть в некоторых крепостях постройки самих халдов, что с достаточною катего-

¹ См. в упомянутой выше следной статье о циклопических сооружениях Азербайджана.

² См. Т. А в д а л б е г я н — Вновь открытая Нор-баиязетская клинописная археологическая находка. «Изв. Института наук и искусств в Армении», 1932 г., № 2 (на армянском языке); И. М е щ а п и н о в — Циклопические сооружения Закавказья, 1932.

³ См. И. П. М е щ а п и н о в — Циклопические сооружения Закавказья, 1932 г., стр. 10 и др.

ричностью вытекает из слов таких текстов, как «эту цитадель я соорудил»¹.

Приходится, при таких условиях, признать, что одно наличие циклопических построек само по себе еще вовсе не говорит за точную их датировку веками существовавшего халдского государства (IX—VI вв. до н. э.). К тому же они могли служить разным целям, что равным образом отражалось на внешнем их виде и во всяком случае на плане сооружаемого памятника.

К таким выводам уже приходили исследователи, знакомившиеся с памятниками на местах². Так, составитель первого сводного, хотя и предварительного, описания циклопических сооружений Азербайджана, И. Джафар-заде, устанавливает, что многие из них расположены вдоль древних горных вьючных дорог. Отсюда им делается вывод, что некоторые из «крепостей», носящих у местных жителей название «калача», могли обслуживать движение караванов, давая им убежище и собирая с них дань. Некоторые из них определяются им, по архитектурным особенностям, как культовые³.

Такая возможная многофункциональность «циклопических крепостей» осложняет работу ученого, но в то же время делает ее еще более интересной в поисках разрешения стоящих перед нами общих исторических заданий, требующих определения как датировки памятника, так и социального назначения каждого отдельно взятого объекта изучения и его социальной принадлежности.

Значительную помощь в историческом определении археологических памятников Закавказья оказывает, вне сомнения, халдская эпиграфика. Ряд крепостей циклопической кладки в ССР Армении, как уже отмечалось выше, датируется древними письменами халдурартов. На территории Армении, таким образом, в значительной степени облегчается задача приурочения циклопических сооружений к халдскому периоду, то-есть получается возможность выделить те из них, о которых упоминается в надписях, как о покоренных или построенных халдами. Здесь имеется тот опорный пункт, который пока еще отсутствует для прилегающего Азербайджанского района. В Азербайджане, до сих пор, халдских письменных памятников не обнаружено⁴. Отсюда, естественным образом, становится вопрос: проникло ли халдское завоевание на восток от Севанского озера (Гокча) или нет? А в связи с этим возникает и другой вопрос: могут ли некоторые из наличных в горах Азербайджана циклопических соору-

¹ См. надписи из Пор-Баязета (стр. 5), Комаграна (стр. 17), Гаплитана (стр. 3—4), Армавира и целый ряд других.

² См. также и в моей работе «Циклопические сооружения Закавказья».

³ В упомянутой выше подготовленной к изданию работе И. Джафар-заде.

⁴ Весьма возможно, что необнаружение их в значительной степени связано с тем, что систематические поиски их в Азербайджане не проводились. Во всяком случае такой выдающийся знаток материала и самого халдского языка, как недавно посетивший СССР проф. Л е м а н н - Г а у п т, в частной со мной переписке указывал на вполне реальную возможность обнаружения тех же надписей на восток от Севанского озера и в Нахичеванской автономной республике, еще с этой стороны не обследованных.

можно получить ту же датировку, какую получают «циклопические крепости» Армении, зафиксированные в своей хронологии наличными в них надписями царей древнего Вана?

Для дальнейших судеб археологии в Азербайджане разрешение этих вопросов получает существенное значение, выдвигая археологический материал на арену истории с более точным определением его в исторических хронологических рамках. И, нужно признаться, что собранный пока материал не дает еще исчерпывающего точного ответа, недостаточно собранный и недостаточно изученный. Все же работы бакинского научного центра в значительной степени продвинулись по пути к разрешению этих вопросов, и сама проблематика, именно в указанном направлении, уже поставлена. Так, один из местных археологов, А. Алекперов, убежденный в халдской экспансии также в границы Азербайджана, прослеживает по топонимическим названиям пути движения халдов через прилегающие к Севанскому озеру горы в сторону Кедабекса и далее с выходом в сторону Кировабада (Гянджа)¹. Другой исследователь, И. Джафарзаде, в результате итога десятилетних работ (начиная с 1927 г.), приходит к выводу, что районом распространения циклопических сооружений в Азербайджане является нагорье Малого Кавказа, где им уже прослежено 59 таких «крепостей-калача», и что в низменности подобного рода памятники не спускаются².

Уже по одним этим сведениям мы можем прийти к одному решающему для нас выводу, а именно, что горы Малого Кавказа, включая Севанское окружение с его западным предгорьем, представляют собою общий район распространения «циклопических крепостей», сооруженных обитавшими тут племенами. При таких условиях, учитывая принадлежность циклопических сооружений местному населению, можно поставить себе задание выделить археологические памятники, одновременные по их археологическому определению и получающие в одном каком-либо месте хронологическую датировку по халдским письменам. В то же время может уточниться и вопрос о самой халдской экспансии на восток. Дело в том, что если в западной части данного района имеются надписи халдских завоевателей, то граница их восточного продвижения может определяться не только местом нахождения надписи, но и текстом ее, повествующим о военных походах и о захвате целого ряда «стран» в отмеченных нами горных местностях. Задача облегчается тем, что некоторые надписи подытоживают результаты всего похода, являются своего рода летописями, и, следовательно, говорят не об одном только месте, где составлена письменная реляция. К числу таких надписей относится Комагранская.

В часть указанного нами района Севанского окружения и гор Малого Кавказа, несомненно, проникало халдское завоевание. Судя по сохранившимся надписям, походы халдов начались с северо-западного берега Севанского озера (Гокчи) со стороны сел. Еле-

¹ Работа находится еще в рукописи.

² Об этой работе И. Джафарзаде упоминалось выше.

новки, то-есть завоевание шло по течению Занги и дальше на юг вдоль западного берега озера.

Оставив на берегах Занги длиннообразные надписи у Ганлитата и Эйляр¹, Аргишти (778—750 гг.) завоевывает северный пункт на берегу Севанского озера, недалеко от сел. Еленовки, близ селения Ордаклю² (страна Кнехуни). Далее, спускаясь на юг вдоль берега того же озера, сын Аргишти Сардур (750—733 гг.) завоевывает страну Уеликухи (у Нор-Баязета)³, город Тулиху царя Циналиби Луехухи (у сел. Атамхан)⁴, страну Адахуни⁵, страну Аркукиши⁶ (у селения Захалу, на южном берегу Севанского озера) и страну Луеруни⁷.

Таким образом, эти цари, дед и отец Русы I, уже прошли весь западный и южный берега озера. Руса I (733—714 гг.) вновь посещает страну Уеликухи (Нор-Баязет) и строит здесь цитадель (E. GAL baduse šidištubi)⁸. Царь-завоеватель воздвигает тут сооружение, детерминированное знаком «большой дом» и характеризованное словом baduse. Это слово, как строительный термин, встречается неоднократно и получило различный перевод. Обычно ему придается значение «разрушенный» (S a u s e, L e h m a n n-H a u p t, а за ними и другие, в том числе и я). На условность этого перевода еще ряд лет тому назад указал в одном из своих докладов Б. П и о т р о в с к и й. В последнее время высказал сомнения в правильности такого значения и А. G ö l z e. По мнению последнего, загадочное слово baduse может скорее всего означать «резиденцию»⁹. Хотя это новое понимание данного термина и не является еще общепризнанным, но все же приемлемость его подтверждается, мне кажется, соответствующими контекстами. В таком случае легко можно в слове baduse усмотреть одно из халдских чтений идеограммы E. GAL, то-есть «дворец-цитадель-резиденция». К такому пониманию данного слова хорошо подходит и весь текст Нор-баязетской надписи, в которой повествуется о покорении Русою царя страны Уеликухи, о положении всей его страны, о наименовании покоренного «города» Халдоградом и о назначении халдского наместника в эту присоединенную к ванскому царству страну. Вновь назначенному наместнику строится цитадель-резиденция, то-есть, хотя бы и реставрированное, но уже халдское сооружение, предназначенное для пребывания представителя халдской власти и его гарнизона (E. GAL baduse).

¹ Никольский II, VI, XXII.

² Никольский II, VIII.

³ Сардуровская летопись, V; стела Сурб Ногос, «Изв. Акад. наук» 1932.

⁴ Никольский II, XVI; стела Сурб Ногос.

⁵ Сардуровская летопись, V.

⁶ Никольский II, XV; Сардуровская летопись, III, V.

⁷ Сардуровская летопись, III.

⁸ Надпись из Нор-Баязета: Калантар—«Орагир», № 3, 1927; Мещанинов, Докл. Акад. наук, 1928; Капанцян, 1930; S a u s e, IRAS, 1932; J. F r i e d r i c h.

⁹ A. G ö l z e — «Revue hittite et asiatique», fas. 22—23, p. 183 (16).

Весь текст Нор-базветской надписи говорит не о простом походе и погоне за временною добычею скотом и людьми (рабами), последствием чего было сожжение и разрушение местных поселений¹, а о завоевании края со включением покоренной страны в число халдских провинций. Примерно о том же повествуется и в другой надписи — о походе царя Русы, в Колагранах, на разборе которой я и останавливаюсь в настоящей моей статье.

Надпись из Колагран (Кёланы—Кирланы) давно обратила на себя внимание ряда исследователей. Она опубликована Сумбатянцем, М. Никольским, Лемани-Гауптом, Сэйсом, А. Калантаром, Гр. Каренцианом и мною². Вновь к ее разбору только что вернулся J. Fried-
 1933.

Текст надписи с внесенным в него вновь предлагаемым коррективом придает особое значение в разрешении затронутого выше вопроса об археологических памятниках Азербайджана. Текст надписи говорит о покорении Русою двух серий стран. В начале выделяются четыре страны, а именно: Адахуни, Уеликухи, Луерухи и Аркукини. Но эти четыре страны, как мы видели выше, были завоеваны еще царем Русы, Сардуром, который в своих летописях (III и V) упоминает: Адахуни, Уеликухи, Аргукини и Луеруни. Различия в написании Луерухи и Луеруни не может затруднять в отождествлении этих стран, так как конечные суффиксы *хи* и *ни* иногда заменяются в одном и том же наименовании страны. Такое чередование находим, например, в Уеликухи и Уеликуни (Сардуровские летописи, V, 17, 20). Еще меньше должно смущать такое различие, как Аркукини (II и K o л ь с к и й, XV) и Аргукини (Сардур. летопись, V).

Различие в отмеченном суффиксальном окончании может получить вполне правдоподобное истолкование. В основе его лежит то, что наименования племен и населяемой ими территории («страны») нередко совпадали, что в точности свидетельствуется свободою перемещения перед ними детерминативов то страны, то лица, в данном случае в значении племенного показателя. Прекрасным примером этого служит написание племенного названия Эрпах (Эрах). В одном случае имеем «поборил царя племени Эрпахи» (Сардур. летопись, II, 29), в другом—«завоевал страну Эрпах» (там же, 26). Или «поборил Капурини, царя страны Игани» (Сардур. летопись, V, 7) и «поборил Диуцини из племени Игани» (Iganiehî, Сардур. летопись, II, 51—52). Отсюда можно предположить, что и в Атамханской надписи (H и K o л ь с к и й, XVI) упоминается не отчество царя Циналиби: Циналиби Луехухи, а указывается его племенная принадлежность, то-есть отмечается, что он происходит из племени-рода Луеху (Luehuhîni, Luehuhî по надписи Сурб Погос, 6). В этих именах, поскольку они идут по линии племенной или родовой терминологии.

¹ Так и описывает свой поход в ту же страну Уеликухи предшественник Русы, царь Сардур, см. его летопись, V.

² Публикации этой надписи подробно указаны в моем издании Колагранской надписи, «Изв. Ак. наук», 1932, стр. 79.

³ «Die urartäische Inschrift von Kolagran». Mélanges linguistiques offerts à H. Pedersen, 1937, pp. 518—536.

имеем суффикс *hi* (правильнее *he* из усеченного *hini* [*hene*]) в значении «сын» (сын племени, происходящий из племени). Суффикс же *ni* служит обычным окончанием имен стран. Отсюда легко получается замена одного суффикса другим при тождестве самого наименования племени и страны. Следовательно, тождество Луерухи и Луорунн стоит вне сомнения.

Если к тому же допустить тождество двух вариантов в передаче местного, халдского названия, как-то—имени Луехухи и Луерухи, то можно было бы и эту страну приурочить к определенному месту, именно—к селению Атамхан на берегу того же Севанского озера, где покорен упомянутый выше царь Циналиби, происходящий из племени (=страны) Луеху (*Luēhihi*). Как бы то ни было, если даже отбросить последнее отождествление, настаивать на котором я считаю преждевременным, то все же оказывается, что в Колагранской надписи Руса выделяет в первую очередь те страны, которые уже были и до него объектом военных действий халдов и упоминаются, как таковые, в летописях Сардура. Отец Русы жег города и разрушал цитадели (Сардур. летопись, V, 17, 18, 25), Руса же воздвигает здесь цитадели для халдского гарнизона, дает халдские имена покоренным городам: Халдоград, Теишбаград и причисляет их к городам своей родины, к великой Бнайне (надписи из Нор-Баязета и Колагран). Эти страны точно локализируются западным и южным берегом Севанского озера, а именно—районами Нор-Баязета (Уеликухи) и сел. Захалу (Аркукини), где и найдены соответствующие надписи, упоминающие имена указанных стран.

Географическое положение всех четырех стран уточняется в Колагранской надписи словами: *irani aptini šuinia (ni)* (стк. 5). Следующие, выделенные во вторую очередь 19 стран хуже определяются в своем местоположении, но равным образом уточняются, как *išani aptini šuiniani KUR babania kurune* (стк. 12—13). Слово *šui* имеет точный перевод «озеро». Не возбуждает сомнения и локативная от него форма *šuinia* в значении «страна озера», «приозерье». Это слово встречалось еще в Ордаклинской надписи, тоже на берегу Севанского озера (Никольский, VIII, 5). В словах *irani* и *išani* я первоначально усматривал местное наименование правителей («царей» по халдской передаче идеографическим письмом), то-есть ишанов и ишанов. От такого перевода мне приходится сейчас отказаться. *išani aptini* встречается вовсе не впервые. В разных текстах имеется несколько сходных вариантов: *dani aptini* (Corpus 19, vs. 6), *aštani aptini* (Corpus 19, vs. 7), *KUR šana aptini* (Никольский, VIII, 5, надпись из Ордакля), *irani aptini* (Колагран, 5), *išani aptini* (Колагран, 12, ср. Corpus 19, obs. 9). Кроме того, *išani* встречается также в Сардуровской летописи (V, 13), где по контексту: *išani bididi uštadi*, первое слово не может иметь предположенного мною раньше значения. Н. Я. Марр также не переводил его, как местное название правителя¹. Текст скорее всего может иметь

¹ «Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван» (1922 г.), стр. 54. перевод текста, стк. 13.

«дальше вновь направившись». В сходном значении скорее всего можно понять *iṣāni* и в Колагранской надписи. В последней упоминаются: *irāni artīni ṣūinīa (ni)*, к которым относятся четыре страны, лежащие на западном и южном берегах Севанского озера, и *iṣāni artīni ṣūinīani*, включающие остальные девятнадцать стран. J. Friedrich, в последней своей работе, предлагает более приемлемое толкование данных мест, а именно: «по эту сторону озера» (*irāni artīni ṣūinīani*) и «по ту сторону озера» (*iṣāni artīni ṣūinīani*).

Если сопоставить тексты Сардуровской летописи и Колагранской надписи, то возможно и еще большее уточнение спорного места: *irāni bidiadi uštadi*—«дальше вновь направившись» (Сардур. летопись, V, 13), *iṣāni artīni ṣūinīani*—«дальше в сторону приозерья» (Колагран., 12).

При таком понимании текста, следуя переводу J. Friedrich'a, получается еще большая ясность в им же предлагаемой интерпретации непосредственно далее следующих слов: KUR babania kirune. В слове *babania* J. Friedrich предлагает, не без основания, видеть раскрытие предшествующей идеограммы KUR. Эта идеограмма имеет значение страны и горы. Чтение «страна» в халдских текстах точно останавливается за словом *ebāni*, каковое нередко и следует за самою идеограммой, как ее фонетический халдский эквивалент. Таким же эквивалентом в значении «горы» могло быть слово *babania*, что и аргументирует J. Friedrich достаточно убедительно. Между прочим, он указывает и на то, что слово *babania*, хотя перед ним и стоит идеограмма страны, может быть лишь уточнением самого идеографического знака, а не собственным именем покоренного края, так как в надписи дается итог—23 страны—в точном соответствии с суммой 19 первых стран и 19 вторых. При таких условиях страна Бабания, если бы таковым было ее чтение, оказалась бы 24-й.

Последнее слово *kirune* не возбуждает сомнения. Оно часто встречается в царской титулатуре в значении «великий», «высокий». В том же значении оно использовано и в Колагранской надписи, где *kirune*, судя по контексту, связывается со словами KUR babania, как их определитель. Отсюда получается перевод «горы высокие», «горы великие» или «горы мощные», на котором и останавливается J. Friedrich, хотя и со знаком вопроса. С таким чтением приходится согласиться.

В итоге разбора текста получается значительное его уточнение, к тому же перевод приобретает новый, весьма интересный оттенок. Показывается, таким образом, что 19 стран, упоминаемые во вторую очередь, вслед за четырьмя странами западного и южного берегов Севанского озера, характеризуются, как лежащие «дальше в сторону приозерья в горах высоких» (*iṣāni artīni ṣūinīani KUR babania-kirune*).

Если учесть движение похода с севера на юг по западному и южному берегам Севанского озера¹ с упоминанием Уеликухи (Нор-Баязет) и Аркукини (Захалу) и если принять во внимание текст,

¹ О чем подробнее говорилось в начале настоящей статьи.

говорящий о движении «далее по приозерью в сторону высоких гор», то упомянутые 19 стран окажутся на востоке от Севанского озера, то-есть в тех самых горах Малого Кавказа, где прослеживается халдское движение А. Алекперовым и где И. Джафар-заде устанавливается наличие целого ряда циклопических сооружений¹.

В связи с этим увеличивается интерес к Колагранской надписи, ярко выступающей вперед в своем новом историческом освещении. Опираясь на новое чтение текста придется прийти к выводу, что проникновение халдов в Азербайджан имело место, но походы их сюда последовали после укрепления халдской позиции в Армении.

Царство Русы I, которому принадлежит Колагранская надпись, было в 714 г. разгромлено ассирийским царем Саргоном. После этого идет уже период упадка прежней мощи, и сама страна Биайна (древнее название Вана) становится данником Ассирии. Едва ли ослабевшая Биайна могла после Русы I столь же интенсивно продвигаться на север.

Вчитываясь в текст Колагранской надписи, можно высказать еще и другое предположение, основанное на самом факте нахождения ее у Колагран, то-есть на южном берегу Севанского озера. Постановка здесь летописного свода, куда попал и поход на восток от этого озера в горы Малого Кавказа (KUR babania kurune), не случайна. У Колагран воздвигался халдский завоевательный центр, тут помещался резиденция халдского наместника, такая же, как в Нор-Баязете. Наличие двух резиденций (baduse) в двух городах, переименованных на халдский манер с приурочением их к двум главным богам халдского пантеона, указывает на укрепление здесь халдской власти и на административное деление покоренного края.

Такие военно-административные центры воздвигались и раньше, свидетельствуя постепенность проникновения халдов в Закавказье. Мы видим, как после одиночных военных набегов с огнем и мечом («цитадели разруши, поселения сжег») идет процесс закрепления за собою покоренных территорий, учреждение в этих целях опорных пунктов одного за другим по мере продвижения в северные страны. Один из таких центров был у Ташбуруна, где царь Менуа (810—778 гг. до н. э.) выстроил цитадель (baduse), названную Менуахинли². Затем следует Армавирский холм и Сардарабад, где Аршишти (778—750 гг.) равным образом воздвигает цитадель-резиденцию (baduse) с именем Аршиштихинли³. К этому господствующему в Айраратской долине пункту, через который направляются набеги в еще не покоренные страны, присоединяются Русою I (733—714 гг.) две новые резиденции (baduse) в Севанском районе у Нор-Баязета и Колагран. Первая из них находилась в границах покоренных стран на западном берегу озера, последняя же стояла на южном. Тут и был поставлен летописный свод, упоминающий о движении на восток в сторону Азербайджана. Халдский царь, закончив поход на восток,

¹ См. в начале настоящей статьи.

² Никольский, III, 4—7.

³ Никольский, IX, 3—5 (Сардарабадская надпись).

вернулся в свой опорный пункт, каковой был здесь, в покоренном городе, ставшем провинцией древнего Вана. Таким образом, можно считать к заключению, что страны Севанского озера, посещенные царем Аргишти и Сардуром, обратились в халдскую провинцию только при Русе. Царь-завоеватель, укрепившись в крае, извлекает от влады уже годовичную дань (*ragubi mešini šali*¹).

В целях научного использования текста Комагранской надписи, представляющей исключительный интерес для древнейших периодов истории и Азербайджана, повторяю его в русском, уже уточненном, переводе. Используя все имевшиеся попытки чтения и интерпретации текста, начертанного на отвесной скале над водами самого озера в крайне дефектного по своей сохранности, можно в настоящее время предложить его в следующем проверенном виде².

- 1) богу Халду могущественному, владыке мира (?), Руса
- 2) сын Сардура (говорит): я эти страны
- 3) единым походом (?) ишироверг, в покорность привел:
- 4) страну Адахуни, страну Уеликухи, страну Луерухи³,
- 5) страну Аркуниш; четырех царей по эту сторону приозерья.
- 6) Страну Гуркумели (Ебимели), страну Шанатувини, страну Тернуишапни,
- 7) страну Ришуаниш (Рушуаниш), страну Зуаниш(...Зуаниш), страну Ахуаниш, страну Замани (Амани),
- 8) страну Иркиматарни (Иркиматарни), страну Елапни (Алапни), страну Ерпелтуаниш (или Ерелтуаниш),
- 9) страну Аидамашуни, страну Гурнианиш, страну Алзирани,
- 10) страну Пируаниш (Гуруаниш), страну Шпаниш (Меланиш), страну Уидуаниш (Ушедуаниш),
- 11) страну Атезаниш, страну Ерпаниш (Ериа...ниш), страну Азамеруниш;
- 12) девятнадцать царей дальше в сторону приозерья в горах
- 13) высоких. Всего двадцать три царя в один год многих я захватил.
- 14) Мужчин и женщин в страну Биайну я увел данью за год.
- 15) Придя, я воздвиг эти цитадели
- 16) ...страну...
- 17) ...цитадель-резиденцию я воздвиг и дал имя
- 18) бога Тейшебы город страны Биайны могущественной (?).
- 19) Руса говорит: Кто эту надпись уничтожит
- 20) бог Арди... имя его... (истребит).

Последние слова заключительной фразы не уцелели, что ничуть не влияет на чтение и понимание предыдущего текста, поскольку заклинательная формула вообще стереотипна.

¹ Комагранская надпись, стк. 14.

² В скобках помещаются неясные места, допускающие варианты чтения.

³ В подлиннике стоит Луерухе, то-есть имя страны с уточнением суффикса *-hi* *he* из *hi* *ni* || *he* *ne*, о чем см. выше).